

П.Н. Краснов

Подвиг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К77

Краснов П.Н.

К77 Подвиг / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 502 с.

ISBN 978-5-4241-2833-2

Представленный в настоящем издании роман «Подвиг» является заключительным в трилогии генерала Петра Николаевича Краснова (первые два «Largo», "Выпашь"). Читатель вместе с героями переживает перипетии Русской Голгофы в первой четверти XX века. Это роман о чувстве и долге, о вере и безверии, о судьбе и о верности человека своему высшему предназначению. Это роман о Любви. И это роман о Семье, о ее непреходящей ценности как залого благополучия всякого народа.

ISBN 978-5-4241-2833-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© П.Н. Краснов, 2013

ТОМЪ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ БЫТЬ И ПОСЛѢДНЕЙ И КОТОРОЙ МОГЛО БЫ И ВОВСЕ НЕ БЫТЬ

Такъ бываетъ во снѣ. Вдругъ незримыя, душевныя, внутреннія очи откроются въ полномъ мракѣ. И — нѣтъ мрака. Никогда невиданные города, помѣстья, лѣса, сады, люди, сцены, приключенія мелькаютъ, смѣняются, исчезаютъ, появляются вновь. Плетется колдовской разсказъ, увлекаетъ ... и ... закрылись духовныя очи ... Мракъ ... Небытіе ... Усилиемъ сознательной воли откроешь глаза. Куда дѣвались города, лѣса, поля, весь пестрый калейдоскопъ никогда невиданныхъ людей?

Передъ изумленными и разочарованными глазами въ мутномъ свѣтѣ, идущемъ изъ узкаго отельнаго корридора, сквозь окно надъ дверью проявляются бѣдная комната, стулъ изъ соломы, грязный коврикъ, раковина умывальника и старая ошарпанная портьера. Вся пошлость бѣдной жизни въ изгнаніи, безъ Родины, безъ цѣли существованія потрясетъ все существо... Съ тоскою закроешь глаза ... Опять мракъ ... Небытіе ... Потомъ снова какія то очи открылись, сознание, пониманіе пробудилось ... Какое геройство!.. Какіе подвиги!.. Красота какая!.. По крутой, почти отвѣсной горѣ несется крошечный вагончикъ — такихъ и не бываетъ на свѣтѣ — выше, выше ... Тамъ, съ вершины — голубыя дали, и въ нихъ дрожить, играетъ, тѣнями переливается несказанно прекрасный городъ. Онъ голубой, прозрачный... Сонное видѣніе говоритъ его имя... Схватить? ... Запомнить? ...

Гуще, сильнѣе мракъ.

Какъ же звали тотъ голубой, прекрасный, далекій, недостижимый городъ? ...

Сквозь портьеру глядится утро. Дождь бьетъ въ стекла. Жизнь монотонно шумить внизу. И сонный городъ и имя его исчезли изъ памяти, ушли изъ сознанія... Навсегда ...

То былъ сонъ...

* * *

Сномъ казался заливъ, полукругомъ врѣзавшійся въ берегъ. Алая краски на западѣ погасали. Берега темнѣли. Плоскій, лѣвый, — тамъ, гдѣ широко разлилась Луара, исчезъ во мракѣ. Правый, гдѣ темныя скалы слились съ домами и деревьями и черными зубцами вырисовались въ темнѣвшемъ небѣ, точно сказочный городъ, дрожалъ въ лиловой дымкѣ. На далекомъ мысу, за рѣкой, краснымъ огнемъ вспыхнулъ и угасъ маякъ. Ему бѣлымъ огнемъ отвѣтилъ другой, за Круазикомъ. На горизонтѣ, на далекомъ острову, каждая пять секундъ сталъ загораться бѣлый огонекъ. Море сливалось съ небомъ въ общей мглѣ. Вспыхнули звѣзды. Заиграли алмазами.

Берегъ на много верстъ опоясался вереницею яркихъ электрическихъ фонарей. Отъ ихъ смѣлаго, наглаго свѣта море стало казаться темнѣе.

Красота несказанная была кругомъ. Черные валы съ тихимъ ропотомъ вставали надъ уснувшимъ моремъ, шли къ берегу, становились длиннѣе, уже, и вдругъ опѣнивались шипящей, бѣлой полосой, рассыпались о прибрежный песокъ и исчезали. Сзади нихъ поднимались другіе, тянулись черными чертами, вспыхивали бѣлой пѣной и замирали съ шипѣніемъ на берегу. Море дышало въ ночномъ снѣ. Кто то Незримый и Могучій линовалъ по нему черныя полосы и сейчасъ же стиралъ блестящими, серебромъ играющими чертами.

Конечно: — сонъ ...

* * *

Снилась женщина, зябко кутавшаяся въ дорогой, широкой мѣхъ. Она сидѣла въ деревянномъ отельномъ креслѣ у желѣзныхъ сквозныхъ перилъ набережной. Голубая шляпка съ внизъ спущенными

полями скрывала золото ея волосъ. Свѣтло голубой жакетъ и юбка, такая же, точно такой же матеріи сумочка — все добротное, дорогое, въ лучшемъ магазинѣ, у моднаго портного сдѣланное, необычайно шли къ ея юному, нѣжному, не испорченному жизнью лицу. Точно голубая птичка прилетѣла изъ далекихъ, заморскихъ странъ и усѣлась въ креслѣ на берегу океана.

Противъ нея, придвинувъ другое, такое же тяжелое кресло, сидѣлъ старикъ. Смятая, выдавшая виды, испытывавшая дожди и сушку на печи, мягкая шляпа съ отвисшими, кривыми, точно мышами извѣденными полями, широкое пальто поверхъ костюма, тоже выдавашаго виды, съ бахромой внизу штановъ и въ соотвѣтствіи съ костюмомъ — старое тонкое лицо, сѣдые, не модные усы, все тоже изношенное, истомленное лишеніями и страданіями, старомодное, «старорежимное» — такъ не шло оно къ женщинѣ — синей птицѣ, принцессѣ грезѣ, прилетѣвшей изъ далекихъ странъ, какъ не подходитъ отельный номеръ бѣженской яви къ лучезарному, голубому виду прозрачной долины бѣженскаго сна.

* * *

Старикъ рассказывалъ длинную исторію. Женщина иногда задавала вопросы. Иногда дополняла рассказъ старика своими переживаніями въ этотъ страшный и великій годъ міровыхъ потрясеній.

Онъ рассказывалъ: — мелкая, безотрадная людская пошлость. Жизнь изо дня въ день. Свары и ссоры, сплетни и безудержная болтовня, нищета, бѣдность, муравьиная бѣготня за заработкомъ — людской муравейникъ — это и была жизнь, явь, подлинное бытіе... Она слушала, широко раскрывъ, — въ темнотѣ они блистали, — свои голубо-зеленые глаза, изумлялась, возмущалась, пожимала плечами, ежилась, кутаясь въ пушистый, нѣжный мѣхъ.

Но понимала: — такъ оно и было, ибо и ея коснулась пошлость людской жизни. Такъ должно было быть на землѣ, гдѣ стало тѣсно жить...

А потомъ, какъ во снѣ, открывались внутреннія, душевныя очи и вдругъ въ призрачной, голубой дали появлялись сильные духомъ

люди, великіе изобрѣтатели, мастера, техники, храбрые, волевые мужи, создавалась какая то таинственная организація, уносились въ далекія страны, въ міръ, не тронутый людской пошлостью, и оттуда шла борьба за правду.

И самая борьба казалась сномъ. Кошмарнымъ сномъ казался рассказъ о жизни рабовъ на далекомъ сѣверѣ. Ихъ освобожденіе казалось сонной мечтой.

И снова были простыя слова яви. Все покрывалось мракомъ людской пошлости... Глупая сплетня, ненужное пошлое хвастовство, трусость маленькой души — и отъ этого — крушеніе дѣла и гибель самоотверженныхъ людей.

И опять шель рассказы о рядѣ героическихъ подвиговъ, о любви къ Родинѣ, готовой на жертву, о справедливости, о торжествѣ правды и въ самой смерти.

Было, какъ въ морѣ, что было передъ ихъ глазами — бѣлая полоса стирала черную и исчезала, тихо тая въ песокъ, и на мѣсто ея сейчасъ же вставала другая, чтобы исчезнуть, какъ и первая... И такъ въ утомительномъ постоянствѣ.

Сонъ? ...

Да ... Какъ сонъ ...

* * *

— Они всѣ погибли?

Старикъ, молча, наклонилъ голову.

Женщина въ душевномъ порывѣ положила красивую холеную руку на жесткую, загорѣлую руку старика и повторила дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Они погибли... Значить — діаволъ побѣдилъ Бога... Зло побѣдило Добро... И правды опять нѣтъ на землѣ... Это былъ мигъ... Просвѣтъ... Сонъ?...

Старикъ не отвѣчалъ. Ни молодая женщина, ни онъ не замѣтили, какъ за этимъ рассказомъ о томъ, какъ пошлость боролась съ героизмомъ прошло время. Фонари на набережной погасли. Блѣдный разсвѣтъ начинался на берегу, за отелемъ. Море ушло, обнаживъ

плотно убитый песокъ. Звѣздъ въ небѣ не было. Огни маяковъ стали блѣдными и ненужными... Сейчасъ встанетъ солнце.

— О, нѣтъ... Напротивъ, — вдругъ, точно очнувшись, съ оживленіемъ, сказалъ старикъ. — Тамъ, на далекомъ сѣверѣ, народъ всталъ за правду... За вѣру, царя и отечество... Тамъ за эти полгода создана Имперская армія. Ей все покоряется... И, если не помогутъ ваши соотечественники?... Простите, что я такъ говорю, мистрисъ Холливель...

— Говорите... Что же дѣлать? Вы правы... Я понимаю... Нѣтъ... Они теперь не помогутъ... Имъ не до того теперь... Такъ что же, если не помогутъ?

— Наши побѣдятъ...

— Правда, что эту армію ведетъ?...

— Ващъ отецъ, мистрисъ Холливель, ротмистръ Ранцевъ. Рядовому Русскому офицеру Господь далъ быть поборникомъ правды и спасителемъ Россіи.

— А какъ же — «les coccinelles»?... Я не умѣю, какъ это будетъ по русски...

— Божія коровки.

— Да, эти маленькіе, сѣрые люди?... Они?... Не мѣшали?...

— Напротивъ... Они много помогли этому дѣлу... Они пошли за своими начальниками... Безъ маленькихъ людей не сдѣлаешь великаго дѣла... Они тоже нужны... Да и не все тамъ были Божіи коровки...

— А капитанъ Немо?...

— Онъ, какъ и хотѣлъ... Онъ былъ Русскій артиллерійскій офицеръ. Онъ былъ скромень. Онъ все сдѣлалъ, все создалъ, отдалъ на дѣло все свое состояніе и... ушелъ...

— Такъ, значитъ, острова Галапагосъ?

— Ихъ не было...

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Но «огонь поядающій» — такъ вы мнѣ нѣсколько разъ рассказывали о немъ. Онъ попалиль не только виноватыхъ, но и правыхъ.

— Не знаю, поймете ли вы меня, мадамъ?... По русски такъ говорится: — «гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ»... На войнѣ, знаете, не безъ урона...

— О, я хорошо по Русски понимаю... Лучше, чѣмъ говорю... Во мнѣ Русская кровь...

— Я знаю... Я васъ вѣдь вотъ такой маленькой видалъ. Вамъ не было тогда и двухъ лѣтъ.

— Да... Я знаю... Вы мнѣ говорили... Прощайте, генераль... Я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить за вашъ рассказъ...

— Никакъ... Я былъ радъ подѣлиться съ вами тѣмъ, что я зналъ, что еще такъ недавно было величайшей тайной, секретомъ, и что теперь стало достояніемъ газетъ и... толпы...

Они встали... Женщина горячо пожала руку старику и пошла широкими, быстрыми шагами къ громадному отелю, гдѣ едва началась утренняя жизнь. Сонные лакеи въ жилетахъ и синихъ фартукахъ подметали высокую, нарядную прихожую.

Старикъ пошелъ вдоль набережной. Ему въ сущности некуда было идти. Его поѣздъ отходилъ въ девять часовъ. Было едва семь. Зимнее солнце еще не вставало.

Было тепло, какъ лѣтомъ. Съ океана, должно быть, изъ тѣхъ далекихъ южныхъ странъ, о которыхъ рассказывалъ старикъ, шло нѣжное ласкающее дыханіе жаркихъ острововъ...

Все это было, какъ сонъ...